

СМАРТ-ЭЛИТА: КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ

Наталья Николаевна Мещерякова¹
Ольга Викторовна Крыштановская²

^{1, 2} Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
¹ natalia.tib@mail.ru,
ORCID 0000-0001-7658-7993
² olgakrysht@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-5278-0940

Для цитирования: Мещерякова Н. Н., Крыштановская О. В. Смарт-элиты: контуры концепции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 30–52. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.2. EDN SLGDNI.

Аннотация. В статье рассматривается новая субгруппа внутри правящего класса, которую предлагается называть смарт-элиты. Её функциональное предназначение – стратегическое планирование и руководство цифровизацией экономики, системой государственного управления и пр. Цифровизация в данном контексте рассматривается как механизм трансформации общества по пути становления передовых практик и социальных институтов. С точки зрения осуществляемых функций выделенная группа является элитой развития. Локализована смарт-элиты главным образом в рамках институтов развития и ряде околоэлитных групп: экспертов, IT-специалистов, бизнесменов. Компетенции её представителей сосредоточены в области стратегического планирования и проектного управления. Также в смарт-элиты присутствует запрос на продвинутую цифровую грамотность: знания и умение работать с CMS системами, Google Analytics, GTM, Яндекс. Метрика» и пр. Для пополнения субгруппы в государстве созданы каналы социальной мобильности открытого типа: конкурс «Лидеры России», гранты фонда «Сколково», Агентства стратегических инициатив. Социокультурные смыслы, которыми смарт-элиты спаяны внутри, и которые её представители транслируют за пределы группы, связаны с деятельностью в интересах России.

Существует постоянное противоречие между стремлением представителей элиты сохранить полученную власть и поэтому ничего не менять в сложившейся системе и необходимостью обеспечить технологическое и социальное развитие страны. На личностном уровне это противоречие проявляется как конфликт охранителей-консерваторов и новаторов в структурах власти. Но смарт-элиты – это новаторы особого социокультурного типа, связанного с формированием горизонтальных не иерархических отношений в сетевом обществе, в том числе в вопросах распределения власти. Смарт-элиты в высшем эшелоне власти соответствует

«сетевому народу» в обществе, – обе эти социальные группы являются прообразом нового типа стратификации общественной системы.

Необходимость изучения смарт-элиты связывается с оценкой эффективности государственного стратегического планирования и управления, достаточности квалифицированных управленческих кадров, наличием/отсутствием противоречий между декларируемыми и латентными целями созданных институтов развития, в рамках которых функционирует смарт-элита.

Ключевые слова: смарт-элита, элита развития, институты развития, цифровизация, социальная мобильность

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01579 «Легитимация социальной стратификации в России».

Научная проблема

Противоречие современного социально-экономического развития Российской Федерации заключается в том, что её стратегической целью является «прорывное развитие» (Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»), а текущая реальность складывается из проблем, связанных с экономической стагнацией, высокой инфляцией, инвестиционной блокадой и проч. В этих условиях возникает вопрос: существует ли актер, способный в ближайшие годы ответить на вызовы современности и осуществить технологический прорыв? Мы предполагаем, что внутри политической элиты сегодня выделяется особая группа, которая берёт на себя не только ответственность за вопросы оперативного управления страной, но и направлена на осмысление стратегических задач, перспективного планирования, в первую очередь связанных с использованием новых технологий. Именно цифровизация всех сфер общественной жизни рассматривается в наше время как условие качественного перехода общества к новому уровню цивилизационного развития [1]. Такого актора можно было бы назвать *смарт-элитой* (Smart Elite), то есть элитой, иницирующей и осуществляющей развитие.

Экзистенциальный спор между охранительной и прогрессивной линиями развития государства и общества не нов, но в каждый исторический момент он приобретает конкретные черты. Выдвижение на передний план части элиты, способной к стратегическому видению путей развития, планированию инноваций и реформ, подготовке государственных решений, включая законопроекты и программы, обеспечению реализации этих решений, происходит в моменты, когда отказ от направленных преобразований в государстве означал бы стагнацию, поражение и возможную потерю власти. Поскольку сохранение её является одной из важных задач политической элиты, то в такие кризисные моменты в точках бифуркации

системы даже её консервативное охранительное крыло достигает консенсуса по вопросу необходимости серьёзных преобразований.

Хотя в российском научном дискурсе сложилась концепция «консерватизма для развития» [2], пытающаяся синтезировать и примирить два этих подхода, важно помнить, что на уровне отдельной личности консерватизм и прогрессизм выглядят антонимами, описывающими противоположные тренды развития. Охранители и новаторы могут работать в тандеме, но это не одни и те же люди. Выдвижение на передний план вторых, делегирование им большей доли властных полномочий, означает привнесение в систему власти неопределённости, а возможно и нестабильности. Поэтому в момент, когда охранительное крыло правящей элиты чувствует, что новация может подорвать сложившийся *статус-кво*, они пытаются оттеснить группы развития от власти или хотя бы помешать им.

Подобным вызовом системе советской власти в начале XX в. была индустриализация, связанная с кардинальным преобразованием экономики страны. На этапе разработки и планирования новой экономической политики (НЭП), а затем первой пятилетки, к решениям были допущены такие выдающиеся учёные–новаторы, как Н. Д. Кондратьев, которого называют отцом индустриализации. На тот момент он был директором Конъюнктурного института при Наркомате финансов Союза ССР (1920–1928). Новаторам была дана возможность предложить руководству страной модель экономических реформ, но как только охранители решили, что дальше с задачами индустриализации справятся сами, специалисты были отстранены, опорочены, некоторые физически уничтожены. Привлечение учёных технократов и их последующее устранение подробно описаны В. Г. Роговиным в пятом томе его произведения «А была ли альтернатива?» [3].

Ещё один пример – так называемая косыгинская реформа второй половины 60-х гг. Её вызвало замедление темпов экономического роста в СССР, что вело не только к ухудшению экономических показателей, но и к возможному политическому недовольству [4, с. 185–186]. Реформа председателя Совета министров СССР Алексея Косыгина предоставила предприятиям большую хозяйственную самостоятельность, но была свёрнута в конце 70-х гг. в том числе под влиянием Пражской весны, которая напугала руководство страны последствиями либерализации.

Заметим, что и Николай Кондратьев, и Алексей Косыгин возглавляли группы развития *внутри* правящей элиты тех лет и имели возможности канализировать свои идеи на самый верх. Быстрый успех предложенных ими реформ, а затем их свёртывание, демонстрирует конфликты, возникавшие внутри правящей группы по поводу стратегии развития страны, в которых неизменно побеждало консервативное крыло.

Крах СССР в 1991 году привёл к коллапсу системы, охранители не смогли удержать власть, что позволило новаторам приступить к реформам, вызвавшим тектонические сдвиги. Внутри государства появилась группа «младореформаторов» (А. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, С. Кириенко и др.), которые осуществили реформы столь глубокие, что, казалось, развитие страны приняло необратимый характер.

Таким образом, элита развития как часть правящей элиты, способная к стратегическому прогнозированию и планированию, существовала и раньше в нашей стране. Но инициировать инновации она могла или в момент консенсуса с консервативным большинством в руководстве, или при наличии сильной политической воли лидера, который брал на себя задачу преодоления инерции «старой гвардии».

Какой вызов стоит перед элитой сегодня? Сложилась ли внутри нынешней российской элиты группа развития? И если да, то из кого она состоит и какое место в системе власти занимает?

Элита развития сегодня

Необходимость цифровой трансформации всех сфер общественной жизни – это и есть вызов актуального исторического момента. Без решения этой задачи невозможно обеспечить сохранение суверенитета государства, экономический рост, информационную безопасность и сохранение стабильности власти. Технологическое отставание России было озвучено Президентом РФ много раз: в обращении к Госсовету ещё в 2007 году, в послании к Федеральному собранию в 2018 году, на расширенном заседании коллегии минобороны РФ в 2020 году и т. д. В 2018 году Владимир Путин заявлял, что отставание является основной угрозой для суверенитета, даже более сильной, чем внешние угрозы¹. Таким образом, технологический прорыв стал целью государства, что закреплено во многих официальных документах. Но артикулирование этой цели проходило параллельно с нарастающим доминированием консервативных настроений в российском политикуме. В технологиях – прорыв и инновации, во всех остальных сферах – наступление традиционных ценностей и идеологии охранительства. Как это сочетается? И кто является основным актором реформаторского направления? Существуют ли группы внутри правящей элиты, которые способны это обеспечить?

О наличие элиты развития – *смарт-элиты* – говорит многое. Сам факт того, что государство ставит цель совершить технологический прорыв, свидетельствует о том, что на высших постах в управлении им есть люди,

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России : [сайт]. 1 марта 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 21.07.2022).

которые эту цель формулируют и предпринимают усилия по её достижению. В 2008 году на базе Министерства информационных технологий и связи Российской Федерации было создано Министерство цифрового развития, которое призвано концентрировать усилия по созданию соответствующих технологий. Но кроме этого специализированного органа, в функции которого входит оперативное решение задач цифровой трансформации, в исполнительной ветви власти есть группы, занятые законодательным обеспечением цифровизации России. К ним можно отнести комитет Государственной думы по информационной политике, информационным технологиям; с 2012 года действует Совет при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России, в задачу которого входит обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с модернизацией экономики и инновационным развитием России¹.

28 ноября 2018 г. Президент России подписал разработанные Правительством Федеральные законы о создании механизма координации деятельности институтов развития² Лидирующую роль занял ВЭБ (бывший Внешэкономбанк) под руководством Игоря Шувалова³. Система призвана комплексно заниматься стимулированием инновационных процессов, способствовать реализации национальных проектов, включающих разработку цифровых технологий и обеспечение информационной безопасности.

4 июня 2019 г. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴, главной целью которой является ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сферах.

Кроме инсайдеров, занимающих важные государственные посты, в смарт-элиту следует включить и специалистов, находящихся за бортом

¹ Совет при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/advisories/4/> (дата обращения: 21.07.2022).

² Институты и инструменты развития // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/28/events/> (дата обращения: 21.07.2022).

³ Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2021 № 241-р (ред. 7 от 23.01.2023) «Об утверждении перечня федеральных институтов инновационного развития» // ЮИС Легалакт : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-05022021-n-241-r-ob-utverzhdanii/> (дата обращения: 21.07.2022).

⁴ Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [сайт]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f#section-description (дата обращения: 22.07.2022).

системы власти, но непосредственно участвующих в выработке решений по цифровизации: работников сферы it, бизнесменов, юристов, политтехнологов и пр. Эти околоэлитные группы привносят новые идеи, обеспечивают юридическую проработку законодательной поддержки цифровизации, пишут проекты государственных программ, занимаются их экспертизой, а также разрабатывают собственно технологии и цифровые платформы.

Современное состояние исследований

Надо признать, что мы не обнаружили специальных исследований драйверов цифровой трансформации современного общества – смарт-элиты – ни в отечественной научной литературе, ни зарубежной. Но теории нового типа элит, связанных с особенностями цифровой эпохи, существуют.

Прежде всего надо сказать о концепции *digerati* американского бизнесмена и исследователя новых технологий Джона Брокмана [5]. Его «диджерати» – это техно-гики, которые не только разрабатывают технологии, но и создают информацию, манипулируют ею в сети. Верхушка IT-индустрии, предприниматели-инноваторы, исследователи в области компьютерных технологий, авторы технических журналов, известные блогеры (т. е. сетевые лидеры мнений) также были включены Брокманом и его соавторами в число «*digerati*». Эта группа объединяет таких знаменитостей, как Стив Джоббс, Илон Маск, Марк Цуккерберг и др. Заметим, что в русском языке до сих пор не появилось принятого термина для обозначения такого рода специалистов, ведь они не являются просто инженерами или бизнесменами, или блогерами. Их феномен не описывает ни одна лингвистическая категория, принятая в русскоязычных работах.

Шведские авторы Александр Бард и Ян Зюдерквист в 2017 году издали книгу под названием «Нетократия», посвященную элите нового типа, возникновение которой связано с распространением социальных сетей [6]. Для них критерием выделения нетократии является не отношение человека к современным технологиям, а его способность использовать новое коммуникационное пространство для манипулирования информацией. Авторы уверены, что именно такие люди в ближайшем будущем встанут у руля финансов и законодательства, тем самым обретя могущество и власть.

Определённый интерес представляет работа австралийцев Д. Хейманса и Г. Тиммса «Новая власть» [7], в которой авторы анализируют тектонические изменения, ставшие следствием цифровизации общества. Современная консервативная политическая элита предпринимает усилия по

внедрению новых технологий для обеспечения потребностей национальной безопасности, контроля за сетевым народом и т. п., но в конечном счёте новые технологии изменяют характер власти. Авторы полагают, что новую власть в сетевом обществе делают многие. Она открыта, в ней участвуют и ею управляют равные. Цель новой власти – не накапливать её, а направлять в нужное русло. Исследователи далеки от видения новой техноутопии, в которой расширение возможностей коммуникации ведёт к немедленной демократизации и процветанию. Сложные преобразования только начинаются. Новая власть использует растущую способность и желание людей участвовать в жизни общества. В основе возможности организации функционирования власти нового типа лежат технологии, но их движущей силой является обострённое чувство человеческой самостоятельности. Борьба и балансирование между старой и новой властью станут определяющей чертой общества и бизнеса в ближайшие годы, полагают Хейманс и Тиммс [7, с. 4].

Горизонтальные «слабые связи» начинают играть большую роль, чем традиционная эшелонированная субординация, чему американский социолог Марк Граннветтер посвятил ставшую знаменитой статью «Сила слабых связей» [8]. Он показал, что связи реальной жизни начинают играть меньшую роль, чем связи онлайн-сообщества, которые пронизывают всю ткань информационного общества.

Иной подход к изучению акторов инновационных процессов предпринял в 2002 году Р. Флорида [9], введя понятие «креативный класс». Он включил в эту группу представителей профессий, которые вовлечены в творческий процесс, а основой их трудовой деятельности является создание инноваций. Флорида предложил относить к креативному классу также тех работников, которым для выполнения профессиональных задач необходима сложная совокупность знаний.

В российской социологии исследования цифровизации только набирают силу, но уже опубликованы работы, которые рассматривают влияние развития Интернета на изменения в стратификации общества и его верхних слоев. Например, А. П. Кочетков пишет о ведущей страте информационного общества – «цифровой элите», которая в России только формируется [10]. Автор полагает, что она состоит из владельцев и СЕО транснациональных IT-компаний, которые стремятся на основе новейших диджитал-технологий создать систему глобального доминирования. Критерием вхождения в обозначенную социальную группу А. П. Кочетков считает не столько способность производить такие технологии, сколько владение IT-корпорациями и контроль над их действиями.

Подобным вопросом задаются и петербургские учёные Дмитрий Гавра и Владислав Декалов [11], которые предлагают разделять акторов циф-

рового и политического пространства, противопоставляя цифровую и аналоговую (традиционную политическую) элиту.

Отдельно разворачиваются исследования инфлюенсеров как прообраза цифровой элиты, изучается их отличие от традиционной интеллигенции [12] и способность выступать лидерами мнений для молодых поколений [13].

Но если в западной социологии уже сформировались обобщающие теории нового типа элиты, то в России пока изучаются отдельные аспекты цифровизации. Консенсуса по вопросам, к каким именно изменениям она ведёт в социальном устройстве, кто является главным инициатором и автором процесса трансформации, в российской социологии пока нет.

Концепции Smart Nation и «Общество 5.0»

В 2014 году в Сингапуре родилась концепция «умной нации» Smart Nation, суть которой заключалась в коренном преобразовании всех сфер жизни общества с помощью цифровых технологий. Власти Сингапура ставили задачу привлечь в программу становления нового типа общества каждого человека и организацию. Ставка делалась на специалистов в области информационно-коммуникационной сферы, но большое значение придавалось и цифровой грамотности населения, т. к. технологические изменения будут невозможны без участия всех граждан. Эта программа¹ говорит о развитии двух важнейших направлений: во-первых, требуется переход от линейных путей в сфере профессионального образования (одна профессия на всю жизнь) к обучению на протяжении всей жизни и постоянному повышению квалификации, в том числе цифровых компетенций, которые востребованы в любых профессиональных сферах. Во-вторых, программа подразумевает кооперацию и умные инициативы со стороны общества, приводящие к исчезновению посредников. Цифровые инструменты объединяют людей в сообщества для достижения определённых целей.

«Умная нация» должна состоять из «умного государства» (Smart State) и «умного общества» (Smart Society), которые реализуют планы по созданию сетевого социума, основанного на широком использовании технологии больших данных и искусственного интеллекта. Иначе говоря, стратегия Smart Nation предполагает как формирование *смарт-элиты*, так и *смарт-граждан*, чьи компетенции достаточны для использования инноваций, а инициативность и ответственность за общее благо имеют простор для реализации [14, 15].

В то же время в Японии была сформулирована идея Super Smart Soci-

¹ Smart Nation: The Way Forward Executive Summary. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/smart-nation-strategy-nov2018.pdf> (дата обращения: 13.06.2023).

ety, которая получила название «Общество 5.0» (Society 5.0). Стратегия «Общество 5.0» была принята правительством Японии в 2016 году Юко Хараема, доктор философии, исполнительный член Совета по науке, технологиям и инновациям Кабинета министров Японии, представила перспективы развития общества 5.0 следующим образом: «Цифровизация – это средство, но мы, люди, должны оставаться центральными действующими лицами...»¹.

Общество 5.0 – это не просто стратегия использования технологий на благо общества и человека, но и новый подход, связанный с более широким применением искусственного интеллекта. Согласно этой концепции, в «Society 4.0» человек получил доступ к большим массивам данных, так называемым Big Data, к облачным хранилищам, мог извлекать и подвергать анализу любую информацию. В обществе уровня 5.0 большие данные анализируются уже не человеком, а искусственным интеллектом в киберпространстве, и результаты передаются обратно людям в физическое пространство в различных готовых формах². Построение «Общества 5.0» предполагает, что современные информационно-коммуникационные системы и интеллектуальные системы будут направлены на решение многих социальных проблем, таких как улучшение транспортной логистики, развитие технологии умного дома, обеспечение комфортного старения населения, безопасного и открытого рынка данных и прочих³.

Российская политическая система и смарт-элита

Мы считаем, что российская политическая элита – это группа людей, в функции которых входит принятие общегосударственных решений [16, с. 7]. Это закрытая и привилегированная группа, для которой сохранение *status quo* составляет её базовый интерес. В то же время именно политическая элита вынуждена инициировать изменения системы для того, чтобы сохранить её и обеспечить успешное функционирование. Налицо очевидное противоречие между разнонаправленными установками: сохранить сложившийся порядок и обеспечить инновации.

Такого рода противоречия были давно замечены социологами, которые назвали этот парадокс «элитизм и демократия». Суть парадокса состоит в том, что элита, объективно заинтересованная в сохранении своих

¹ Narayama Y., Fukuyama M. Society 5.0: Aiming for a New Human-centered Society // Hitachi Global : [сайт]. URL: https://www.hitachi.com/rev/archive/2017/r2017_06/trends/index.html (дата обращения: 05.05.2023).

² Society 5.0. // Cabinet Office : [сайт]. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html (дата обращения: 13.06.2023).

³ About SNDGG // Smart Nation. Singapore : [сайт]. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/about-smart-nation/sndgg/> (дата обращения: 13.06.2023).

привилегий, не должна быть драйвером демократической трансформации, коим она в реальности становится, иницилируя и проводя в жизнь реформы. Британский политолог Фрэнк Били писал, что мнения учёных, насколько демократия может быть согласована с существованием элит, полярны. Одни видят в элите угрозу демократии, другие, так называемые «демократические элитисты», считают автономию элиты необходимым компонентом демократического государства. Сам автор полагал, что автономия элит не может быть мета-принципом демократии [17].

В случае России этот парадокс имеет иную окраску, но логика его остаётся прежней. Большинство в политической элите разделяет консервативные взгляды и прилагает усилия для сохранения действующей правящей группы, но есть и меньшинство, полагающее, что для предотвращения серьёзных катаклизмов в будущем систему надо реформировать.

Однако мало констатировать, что «группа развития» существует. Необходимо обнаружить её, установить её численность, композицию и структуру, собрать максимальное количество информации, чтобы понять её роль и намерения. Для социолога эта задача представляется очень сложной, почти невозможной как из-за закрытости элиты в целом, так и из-за того, что элита развития никак не афиширует свою деятельность. Мы даже не можем сказать, это целостная, сплочённая группа, или официалы, занятые инновациями, разрозненны и тогда можно говорить скорее о группах, нежели об одной группе. В нашем распоряжении есть лишь косвенные свидетельства деятельности отдельных элитариев или институтов, результатом которой и становятся технологические изменения в государственной политике. Мы знаем, что государство в 2009 году приняло решение создать Федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг», который кратко стал именоваться «Госуслуги»¹. Другим масштабным проектом стала инициатива Московского правительства по созданию системы электронных опросов «Активный гражданин», которая стартовала в 2014 году². Подобные порталы затем возникли и в других регионах РФ (например, «Добродел» в Московской области, «Инцидент Менеджмент» в Ивановской, «Народный контроль» в Татарстане и др.)

Понятно, что прежде чем государственные органы примут решение о цифровизации какой-то сферы жизни, они сами должны узнать о возможностях, предоставляемых Интернетом, о социальной пользе, которую обеспечит реализация того или иного проекта. Это предполагает, что кроме

¹ Распоряжение Правительства России от 17.10.2009. № 1555-р // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=124508#1TWfLnT0JWEjBrjV> (дата обращения: 24.08.2023).

² Активный гражданин : официальный сайт. Москва, 2023. URL: <https://ag.mos.ru/home> (дата обращения: 24.08.2023).

политика, мотивированного на цифровое развитие, в процессе должен участвовать и специалист IT-сферы, который объяснит суть такого проекта. Следовательно, акторов процесса технологической трансформации должно быть как минимум двое: *кто-то внутри элиты*, кто сможет протолкнуть это новшество, и *кто-то вне элиты*, кто обладает знаниями о новых возможностях. В случае с внедрением портала госуслуг, таким IT драйвером стала корпорация «Ростелеком», а внутри элиты идею поддержало Министерство связи (ныне – Министерство цифрового развития и связи).

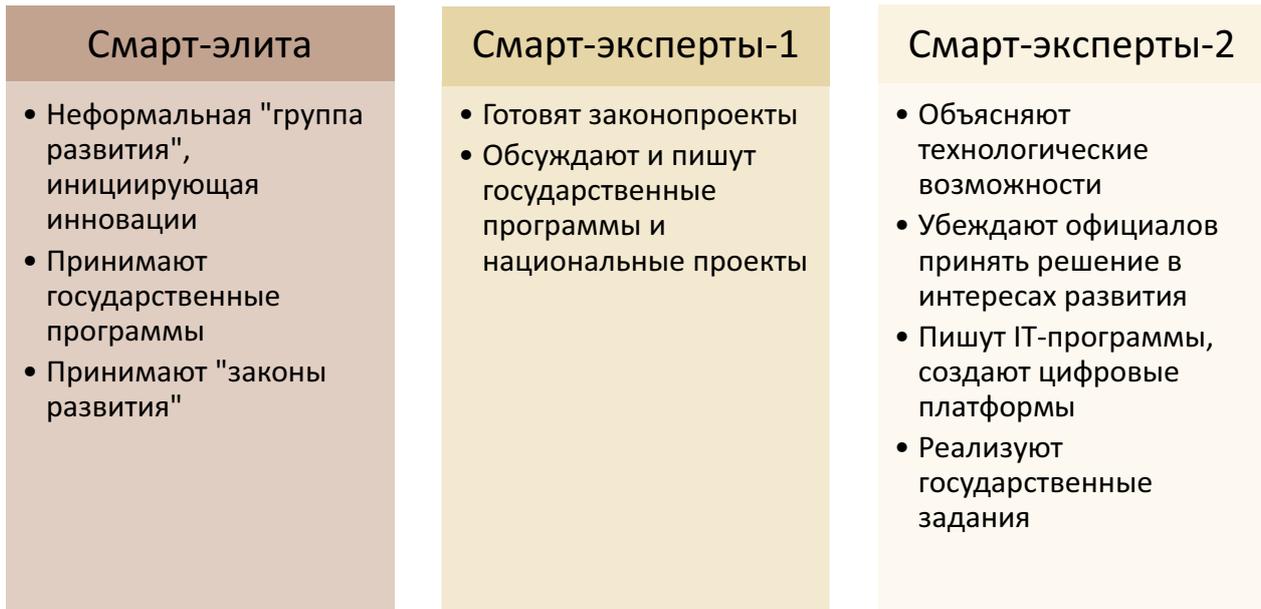

Рис. 1. Структура группы, обеспечивающей технологический прорыв

На рисунке 1 показано, какие функции выполняют разные группы развития как из числа инсайдеров, так и аутсайдеров. Когда процесс создания и внедрения технологических инноваций институционализирован, создана целая сеть групп развития, тогда мы можем говорить о вызревании «умного государства» (*Smart State*), неотъемлемой частью которого становится и смарт-элита как субэлитная группа, отвечающая за следующее:

- принятие решений по цифровой трансформации на самом верхнем уровне (её члены должны быть частью узкой группы «Политбюро»);
- принятие законов для реализации политики развития (определённые комитеты внутри обеих палат парламента РФ);
- принятие государственных программ, направленных на реформирование (группы внутри правительства РФ);
- создание институтов развития и контроль их деятельности;
- подбор кадров для всех организационных элементов процесса цифровизации.

Другие функции осуществляют околоэлитные группы смарт-экспертов, бизнесменов, IT-специалистов, юристов и прочих акторов, которые лоббируют решения и обеспечивают их осуществление.

Этому новому типу умного общества должна соответствовать и элита, и граждане. Смарт-граждане или «сетевой народ» также являются частью смарт-экосистемы. Технологическая революция, которую мы переживаем, нуждается в участии многочисленных групп, часть которых имманентно встроена в государственный организм, часть – примыкает к нему, являясь *околоэлитой*. Но совокупный потенциал гражданского участия – это то, что можно отнести к ресурсу новой власти, с помощью которого строится *Smart Society*.

Меритократы, технократы и смарт-элиты

Многие исследователи пишут о том, что лояльность сегодня является основным качеством, необходимым для продвижения политической карьеры [18, 19]. И часто это так и есть, но мы не можем не замечать, что есть зоны в политике, в которых профессионализм является высшей ценностью. То есть принцип отбора здесь *меритократический*. В этих зонах всегда работали особые люди, которых отличали следующие черты: возраст меньше, чем средний по группе; индекс образованности выше. Многие из них получили по два и более диплома о высшем образовании, причём часть – дипломы западных университетов или российских вузов, которые входят в число лучших согласно международным рейтингам.

В условиях дефицита материальных и человеческих ресурсов для облегчения взаимодействия в определении стратегических вопросов развития и тактики реализации поставленных задач, власть прибегает к созданию особых управленческих структур – институтов развития.

Институты развития уже стали самостоятельным объектом исследовательского интереса в отечественной социологии. В. Бетелин и Е. Катукова полагают, что они не являются катализатором технологического прорыва, а только инструментом перераспределения бюджетных денег целевым способом [20]. М. Курбатова и К. Саблин называют их квазиинститутами по сходной причине, в них произошла подмена содержания деятельности: вместо стимулирования продуктивных инноваций осуществляется перераспределение [21]. Наиболее полно подходы к оценке эффективности данных структур проанализированы В. Кузнецовой [22]. Она обращает внимание на то, что прибыльность не может быть основным и корректным критерием оценки их деятельности, необходимо развивать комплексный подход, который учитывал бы как коммерческую, так и социально-экономическую эффективность, управление бюджетными ас-

сигнованиями, вклад в развитие регионов и стратегически важных межгосударственных объединений. Но в свете роли и значения институтов развития для формирования особого типа элиты они ещё не рассматривались.

Институты развития являются инструментами государственной экономической политики. Их задача – стимулировать становление и модернизацию стратегически важных отраслей и реализацию социально значимых проектов там, где рыночных механизмов для этого недостаточно. Стимулирование и поддержка инноваций, а также привлечение частных капиталов – отдельные, но важнейшие инструменты решения поставленных задач. В 2020 году система институтов развития была реформирована, поскольку их деятельность была признана неэффективной. Расходы бюджета на их функционирование в 2006–2020 гг. по данным Росказначейства превысили 965 млрд руб., а доля инновационной продукции осталась 6%, как и в начале проекта, хотя планировалось, что по итогам 2020 года она составит 25%¹. В ходе реформы к декабрю 2020 г. количество институтов было сокращено до 12, они были переданы под управление «ВЭБ.РФ». Цели их деятельности были чётче увязаны с национальными целями развития, исключено дублирование функций².

О составе смарт-элиты говорит состав Наблюдательного совета государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, куда входят пять заместителей председателя правительства Российской Федерации и три ключевых министра³: координационные советы по отраслям возглавляют профильные вице-премьеры, главой ВЭБ.РФ является бывший первый заместитель председателя правительства Российской Федерации, председатель совета директоров Российской венчурной компании – министр экономического развития, председатель совета директоров Российского агентства по страхованию венчурных кредитов и инвестиций – министр торговли и т. д.

Анализ квалификационных требований к различного уровня менеджерам институтов развития, вакансии которых размещаются открытым образом, позволяет выявить запрос на такие компетенции, как опыт управления крупными проектами и группами разработчиков; способность мотивировать команду для достижения оптимального результата; знание и умение работать с различными CMS системами, Google Analytics, GTM, Яндекс Метрика и т. д. Соответственно, смарт-элита, чья задача координировать и направлять деятельность таких специалистов

¹ Институты развития провалили инновации // Ведомости. 02 марта 2021 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya> (дата обращения: 13.06.2023).

² Правительство оптимизирует систему институтов развития // ТАСС : [сайт]. 23 ноября 2020 г. URL: <https://tass.ru/politika/10071607> (дата обращения: 13.06.2023).

³ Состав Наблюдательного совета государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» в редакции распоряжения Правительства от 5 августа 2022 года № 2160-р // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/info/46214/> (дата обращения: 13.06.2023).

в виду реализации целей и задач национального развития, в первую очередь должна обладать навыками проектного управления, инновационными и технологическими компетенциями. Игорь Шувалов, глава ВЭБ, в своем интервью, говоря о работе, проделанной в ходе реорганизации институтов развития, затронул и вопрос квалификации сотрудников, которые могут и должны сотрудничать с возглавляемой им корпорацией. Особое внимание он также уделил способности управлять проектами проектным способом¹.

Такое мышление рассматривается как ключевая компетенция представителя смарт-элиты. Это способность представлять замысел в общей форме, чётко определять проблему и находить способы её решения в условиях ограниченных временных и иных ресурсов, умение выстраивать интегративные связи, развиваться и расти над собой во время выполнения проекта [23, 24]. Для выявления новых лиц, которые будут привлечены к работе в институтах развития, созданы такие инструменты, как конкурс «Лидеры России», грантовые конкурсы фонда «Сколково», АСИ, победители которых получают государственную поддержку. Можно констатировать, что всё это свидетельствует об институционализации процесса цифровизации, а конкурсы, гранты, включение талантливой молодёжи в федеральный или региональные списки кадрового резерва являются механизмами подготовки потенциальной смарт-элиты и одновременно социальным лифтом для неё [25].

Надо сказать ещё об одном понятии, которое можно использовать в том контексте, в котором мы говорим о смарт-элите. Это понятие «технократия».

О технократии в системе политической власти писал академик РАН Андрей Кокошин [26], предлагая такое видение проблемы: оптимальные управленческие решения достигаются тогда, когда в политической элите наблюдается баланс между публичными политиками, бюрократией и технократией, таким образом обособляя последних как группу. Технократы, по его мнению, – это социокультурный феномен, но никак ни идеология или политическое движение. К технократам он относит учёных, обладающих наиболее структурированными знаниями, которые так или иначе участвуют в подготовке и принятии решений по ключевым вопросам социально-экономического развития страны. Среди них могут быть и научно-исследовательские кадры, и руководители компаний, производящих наукоемкую продукцию. Автор выделяет две стороны политики: борьбу за власть и решение проблем, стоящих перед обществом. Техно-

¹ Встреча Михаила Мишустина с председателем госкорпорации «ВЭБ.РФ» Игорем Шуваловым // Правительство России : [сайт]. 29 октября 2021. URL: <http://government.ru/news/43690/> (дата обращения: 13.06.2023).

краты сосредоточены именно на последнем. Таким образом, А. Кокошин отказывает технократам в политической субъектности, они не имеют собственной политической повестки, их заслуга в «формулировании алгоритмизируемых целей и задач, программ, проектов, имевших изначально общий политический и даже идеологический характер» [26, с. 8]. Несмотря на некоторую разницу трактовок, представление о том, что технократы – это функционеры «без политического цвета и запаха» [27], сохраняется и у других исследователей.

В нашем контексте трактовка «меритократии» (умники во власти) и «технократии» (технари во власти) позволяет уточнить объём понятия смарт-элиты. Представитель элиты, конечно, меритократ в том смысле, что он умен, образован, интеллектуален. Однако не каждый меритократ может быть отнесён к смарт-элите, т. к. не каждый образованный чиновник или депутат занимается вопросами стратегического развития и технологических инноваций. То есть понятие смарт-элиты уже, чем термин «меритократ».

Соотношение понятий смарт-элиты и технократии также не совпадает по объёму. Технократ – это, по сути, «молчаливый политик», который в качестве исполнителя обеспечивает функционирование одной из систем государственной машины. Представитель смарт-элиты может занимать и технократическую позицию, но может и открыто выступать с политическими заявлениями, отстаивая новый проект, лоббируя технологическое новшество. Поэтому мы считаем эти понятия пересекающимися по смыслу, но не тождественными.

Смарт-элита – это социальное явление иного типа общества, общества становящегося, в котором горизонтальные сетевые отношения набирают силу и начинают конкурировать с иерархическими вертикалями, что меняет характер власти. Смарт-элита – это не просто часть наиболее продвинутых в области технологического знания представителей политической элиты. Это совокупность групп развития, образовавшихся в разных сегментах государственного организма. Участники групп устанавливают коммуникации не только между собой, но и со смарт-экспертами, с «сетевым народом», не боятся опереться на его креативный потенциал, способны направить этот потенциал в созидательное русло. В этом смысле смарт-элита – самая креативная часть истеблишмента, которая способна привести страну к технологическим изменениям, преодолев отставание.

Выводы

Мы живём в эпоху возрастания ценности умных ресурсов, что отражено в актуальных задачах «Стратегии научно-технологического развития России», связанных с повышением конкурентоспособности российского

государства. Стратегия предусматривает использование и применение человеческого фактора, ключевым компонентом которого является интеллектуальный потенциал, что предполагает не только решение экономических и инновационных задач, но и формирование среды для прироста человеческого капитала, без которого невозможно осуществление национальных стратегических задач. В контексте глобальных вызовов современности состояние и структура интеллектуального потенциала страны становится важнейшим фактором предупреждения и преодоления социальных проблем. Государство в последние годы ведёт активную работу по созданию институтов развития для обеспечения технологического суверенитета страны. Производительность и эффективность труда в значительной степени определяются распространением информации о передовых достижениях в области науки и эффективной организации производства, а трансфер технологий осуществляется посредством образования. Рождается «обучающееся общество», мотивирующее своих граждан к постоянному самосовершенствованию, к получению знаний, освоению компетенций.

Сегодня в условиях глобального экзистенциального вызова термин «развитие» приобретает особую значимость. Ведь именно оно может стать ключом к преодолению последствий посттравматического синдрома, многие признаки которого мы наблюдаем в настоящее время, и позволит преодолеть технологическое отставание, что стало задачей экзистенциального порядка. Социальные катаклизмы последних лет способны вызвать негативные тенденции, препятствующие развитию. Российского государства. Одна из печальных примет «общества травмы» [28] – консервация поступательного движения, интеллектуальная стагнация, следующая вслед за периодами больших тревог. Мы видим свою задачу в том, чтобы понять, каким образом возможно справиться с угрозой такой стагнации; обнаружить локализацию ресурсов интеллектуального капитала российского социума, катализаторы процессов позитивного развития.

Для осуществления направленных преобразований в политике, экономике и обществе формируется запрос на новую структурную единицу истеблишмента, которая занята стратегическим планированием, включая цифровизацию – элиту развития (смарт-элиты). Смарт-элиты должны являться драйвером, т. е. проводником направленных преобразований в сфере цифровой трансформации общества и страны.

Результатом нашей попытки осмысления проблемы могут быть следующие выводы:

- функции смарт-элиты связаны с решением задач трансформации социальных институтов российского общества в условиях цифровизации: экономики, образования, государственного управления и т. д.;

- эта группа действует внутри политической элиты, но напрямую связана профессиональными отношениями с представителями околоэлитных групп, например, IT-среды, которые становятся медиаторами, убеждая политиков высшего ранга в том, что инновации возможны и указывая оптимальный путь;
- часть смарт-элиты рождается вне элиты: это руководители и ведущие специалисты крупнейших IT-компаний, которые создают устойчивые коммуникационные каналы, по которым передают политикам информацию о возникающих возможностях. Впоследствии они могут быть кооптированы во власть, но могут остаться непосредственными реализаторами крупных проектов;
- компетенции представителей группы «смарт-элита» сосредоточены в области стратегического планирования и проектного управления. Верхушка смарт-элиты курирует институты развития, модифицируя их деятельность в интересах модернизации страны;
- лифтами социальной мобильности для инкорпорации в смарт-элиту являются такие государственные инструменты, как проект «Россия – страна возможностей», конкурс «Лидеры России», гранты фонда «Сколково» или АСИ. Институты развития становятся сетью структур, связанных между собой системой формальных и неформальных связей, которая складывается в ходе участия в многочисленных пересекающихся проектах, кураторами которых являются представители элиты развития.

Таким образом, мы можем утверждать, что смарт-элита как особая группа развития сложилась в нашей стране. Социологам осталось приступить к её фундаментальному изучению, определив её границы, численность, места локализации, функциональное предназначение, требуемые компетенции, механизмы кооптации, социокультурную миссию. Это даст возможность подвергнуть анализу не только сложившуюся ситуацию, но и дать прогноз развитию России, её кадровому и техническому потенциалу, просчитать потенциальные риски и выбрать оптимальный путь формирования нашего технологического суверенитета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н.* Социология цифрового общества. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с. ISBN 978-5-4387-1043-1. EDN **UQJHQJ**.
2. Консерватизм и развитие: Основы общественного согласия / В. Н. Гарбузов, В. Г. Ивахник, В. П. Любин [и др.] ; отв. ред. Б. И. Макаренко. Москва : ООО «Альпина Паблишер», 2015. 332 с. ISBN 978-5-9614-5304-1. EDN **YWLGAP**.
3. *Роговин В. З.* Партия расстрелянных. (Т. 5). М. : Московская типография № 3 РАН, 1997. 526 с.

4. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. Новосибирск : Издательство НГТУ, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с. ISBN 978-5-7782-0903-9.
5. Brockman J. Digerati: Encounters With the Cyber Elite. San Francisco : Publisher Hardwired, 1996. 354 p.
6. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист ; пер. с англ. В. Миучкова. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 256 с. ISBN 5-315-00015-X.
7. Хейманс Д., Тиммс Г. Новая власть. Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. Москва : ООО «Альпина Паблишер», 2019. 480 с. ISBN 978-5-9614-2086-9.
8. Granovetter M. S. «The strength of weak ties». American Journal of Psychology. 1973. № 78 (6). P. 1360–1380.
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида ; пер. с англ. М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с. ISBN 978-5-89817-185-8.
10. Кочетков А. П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 198–212. DOI [10.15688/jvolsu4.2022.1.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17). EDN [IREMYF](https://www.edn.ru/IREMYF).
11. Гавра Д. П., Декалов В. В. Цифровая элита vs аналоговая элита: трансформация социальной стратификации в цифровую эпоху // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4 (1). С. 118–128. EDN [VMNHDI](https://www.edn.ru/vMNHDI).
12. Крыштановская О. В., Мещерякова Н. Н. Интеллигенция для цифрового поколения // Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений: Сборник научных статей. Вып. 24 / Под ред. Ж. Т. Тощенко. Москва : РГГУ, 2023. С. 104–113. EDN [PCSZSS](https://www.edn.ru/PCSZSS).
13. Захаркин Р. А., Аргылов Н. А. Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 27–37. DOI [10.31171/vlast.v29i6.8674](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8674). EDN [VUTMZV](https://www.edn.ru/VUTMZV).
14. Haupt M. What is a Smart Society? Toward the transcendent model society of 2030. Project 2030. 2019. URL: <https://medium.com/project-2030/what-is-a-smart-society-92e4a256e852> (дата обращения: 12.06.2023).
15. Smart society: a sociological perspective on smart living / R. Iannone, R. Gurashi, I. Iannuzzi [et al.]. New York, NY : Routledge, 2019. 106 p. ISBN 978-0367192419.
16. Крыштановская О. В. Анатомия элиты. М. : Захаров, 2005. 216 с. ISBN 5-8159-0457-0. EDN [QODLCN](https://www.edn.ru/QODLCN).
17. Bealey F. Democratic Elitism and the Autonomy of Elites // International Political Science Review. 1996. № 17 (3). P. 319–331. URL: <http://www.jstor.org/stable/3451635> (дата обращения: 15.06.2023).
18. Графов Д. Б. Влияние групповой лояльности на демократический транзит в незападных обществах // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 134–147. DOI [10.17976/jpps/2022.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.11). EDN [SXOYFR](https://www.edn.ru/SXOYFR).
19. Кокурина О. Ю., Буров А. С. Стремление поступить на государственную гражданскую службу как фактор формирования ценностных ориентаций студентов-политологов // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11, № 1А. С. 44–54. DOI [10.34670/AR.2022.70.65.006](https://doi.org/10.34670/AR.2022.70.65.006). EDN [TATFNG](https://www.edn.ru/TATFNG).
20. Бетелин В. Б., Кутукова Е. С. Институты развития – это финансовые компании, а не катализаторы технологического развития страны // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. № 2. С. 5–7. EDN [ZDQLIL](https://www.edn.ru/ZDQLIL).
21. Курбатова М. В., Саблин К. С. Институты развития и квазиинституты разви-

- тия в российской экономике // Terra Economicus. 2012. Т. 10, № 3. С. 22–38. EDN **PUJFYV**.
22. *Kuzenkova V. M.* Effective development institutions // Public Administration Issues. 2021. № 5. P. 161–175. DOI **10.17323/1999-5431-2021-0-5-161-175**. EDN **UBMWAR**.
23. *Штомпф Г.* «Проектное мышление» – это не о размышлениях, а о действиях // Проблемы управления в социальных системах. 2012. Т. 4, № 6. С. 68–72. EDN **NDWGPE**.
24. *Jussila J., Seppänen L.* Design thinking meets agile development in Design Factory Project // HAMK Unlimited Journal : [сайт]. 26.05.2023. URL: **https://unlimited.hamk.fi/yrittajuys-ja-liiketoiminta/design-thinking-meets-agile-development-in-design-factory-project/** (дата посещения: 12.06.2023).
25. *Лавров И. А., Крыштановская О. В.* Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi. 2023. Т. 15, № 2. С. 292–310. DOI **10.17072/2218-9173-2023-2-292-310**. EDN **EFZRVJ**.
26. *Кокошин А. А.* Технократия, технократы и неотехнократы. Изд. 2, испр. и доп. М. : URSS. 2009. 208 с. ISBN 978-5-382-00994-0. EDN **QOKKSL**.
27. *Становая Т.* Пять путинских элит на фоне транзита // worldcrisis : [сайт]. 27.02.2020. URL: **http://worldcrisis.ru/crisis/3553347** (дата обращения: 21.07.2023).
28. *Тоценко Ж. Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Издательство «Весь Мир», 2020. 350 с. ISBN 978-5-7777-0801-4. EDN **QLXXDD**.

Сведения об авторах

Н. Н. Мещерякова

доктор социологических наук, доцент,
зав. кафедрой, ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: **641303**

О. В. Крыштановская

доктор социологических наук,
директор Научного центра
AuthorID РИНЦ: **357811**

Вклад авторов:

Н. Н. Мещерякова – 60% (концепция, подготовка общетеоретической основы, участие в написании всех разделов статьи). О. В. Крыштановская – 40% (подготовка методологического раздела, участие в написании всех разделов статьи).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 14.06.2023; одобрена после рецензирования 21.08.2023; принята к публикации 20.10.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.2)

SMART ELITE: CONCEPTUAL FRAMEWORK

Nataliya Nikolaevna Meshcheryakova¹

Olga Viktorovna Kryshtanovskaya²

^{1, 2} Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,

natalia.tib@mail.ru,

ORCID [0000-0001-7658-7993](https://orcid.org/0000-0001-7658-7993)

olgakrysht@yandex.ru,

ORCID [0000-0001-5278-0940](https://orcid.org/0000-0001-5278-0940)

For citation: Meshcheryakova N. M., Kryshtanovskaya O. K. Smart elite: conceptual framework. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):30–52. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.2).

Abstract. The article discusses a new subgroup within the ruling class, which is proposed to be called the smart elite. Its functional purpose is strategic planning and leadership in the digitisation of the economy, the state governance system, and more. In this context, digitisation is considered a mechanism for transforming society towards the development of advanced practices and social institutions. From a functional perspective, the identified group is an elite of development. The smart elite is primarily localised within development institutions and a number of near-elite groups, including experts, IT specialists, and businessmen. Its members possess competencies in the areas of strategic planning and project management. Additionally, the smart elite places a high value on advanced digital literacy, including knowledge and skills in working with content management systems (CMS), Google Analytics, Google Tag Manager (GTM), Yandex.Metrica, and others. To recruit individuals into this subgroup, open channels of social mobility have been created within the state, such as the “Leaders of Russia” competition, grants from the Skolkovo Foundation, and the Agency for Strategic Initiatives. The sociocultural meanings that bind the smart elite internally and are transmitted by its members beyond the group are related to activities in the interests of Russia.

There is a constant tension between the desire of elite representatives to preserve their acquired power and, therefore, maintain the existing system without change, and the necessity to ensure the technological and social development of the country. At the individual level, this tension manifests as a conflict between conservative protectors and innovators within the power structures. However, the smart elite represents innovators of a special sociocultural type, associated with the formation of horizontal, non-hierarchical relationships in the networked society, including power distribution issues. At the highest echelons of power, the smart elite corresponds to the “networked people” in society; both of these social groups represent prototypes of a new type of stratification within the social system.

The need to study the smart elite is linked to the evaluation of the effectiveness of state strategic planning and management, the sufficiency of qualified managerial personnel, and the presence or absence of contradictions between the declared and latent goals of the development institutions within which the smart elite operates.

Keywords: smart elite, elite of development, development institutions, digitisation, social mobility

Acknowledgements: the research was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01579 “Legitimation of social stratification in Russia”.

REFERENCES

1. Vasilenko L. A., Meshcheryakova N. N. Sociology of digital society. Tomsk: Tomskij gosuniversitet; 2021. 226 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4387-1043-1.
2. Garbuzov V. N., Ivakhnik V. G., Lyubin V. P.[et al.] Conservatism and development: foundations of social consent. B. I. Makarenko ed. Moscow: Al`pina; 2015. 311 p. ISBN 978-5-9614-5304-1.
3. Rogovin V. Z. The party of the executed. Vol. 5. [Partiya rasstrelyanny`x.Tom 5]. Moscow: Al`pina; 1997. 526 p.
4. Khanin G. I. The economic history of Russia in modern times. In two volumes. Novosibirsk: NGTU; 2008. Vol. 1. The economy of the USSR in the late 30s – 1987. [E`konomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya. V 2 t. E`konomika SSSR v konce 30-x godov – 1987]. 516 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7782-0903-9.
5. Brockman J. Digerati: Encounters with the cyber elite. San Francisco: Publisher Hardwired; 1996. 354 p.
6. Bard A., Zoderquist J. Netokratia. The new ruling elite and life after capitalism. [Netokratiya. Novaya pravyyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma. Per. s angl. V. Miuchkova]. St. Petersburg: Shtokgol`mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge; 2004. 256 p. (In Russ.). ISBN 5-315-00015-X.
7. Heimans J., Timms H. New power: how power works in our hyperconnected world-and how to make it work for you. Moscow: Al`pina; 2018. 336 p. ISBN 978-5-9614-2086-9.
8. Granovetter M. S. The strength of weak ties. *American Journal of Psychology*. 1973;78(6):1360–1380.
9. Florida R. Creative class: people who change the future. Transl. from English. [Kreativny`j klass: lyudi, kotory`e menyayut budushhee]. Moscow: Izdatel`skij dom «Klassika-XXI»; 2007. 421 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89817-185-8.
10. Kochetkov A. P. Formation of the digital elite as a new stratum of the global information society. *Science journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International relations=Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022;(1):198–212. (In Russ.). DOI [10.15688/jvolsu4.2022.1.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17).
11. Gavra D. P., Dekalov V. V. Digital elite against analog elite: transformation of social stratification in the network era. *Strategic communications in business and politics=Strategicheskkiye kommunikatsii v biznese i politike*. 2018;1(4):118–128. (In Russ.). DOI [10.15688/jvolsu4.2022.1.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.17).
12. Kryshchanovskaya O. V., Meshcheryakova N. N. Intellectuals for the digital generation. In: Intellectuals in the era of cardinal civilizational changes. Collection of scientific articles. Toshchenko ZH. T. ed. Moscow: RGGU; 2023. P. 104–113. (In Russ.).
13. Zakharkin R. A., Argylov N. A. Influencers as media significant others: modern trends of secondary socialization. *The Authority=Vlast'*. 2021;29(6):27–37. DOI [10.31171/vlast.v29i6.8674](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8674).

14. Haupt M. What is a smart society? Toward the transcendent model society of 2030. Project 2030. 2019. Available at: <https://medium.com/project-2030/what-is-a-smart-society-92e4a256e852> (accessed: 12.06.2023).
15. Iannone R., Gurashi R., Iannuzzi I., Ghantuz Cubbe Giovanni de, Sessa M. Smart society: a sociological perspective on smart living. New York, NY: Routledge; 2020. 106 p.
16. Kryshchanovskaya O. V. Anatomy of the Russian elite. Moscow: Zaxarov; 2005. 2016 p. (In Russ.). ISBN 5-8159-0457-0.
17. Bealey F. Democratic elitism and the autonomy of elites. *International political science review*. 1996;17(3):319–331. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3451635> (accessed: 15.06.2023).
18. Grafov D. B. The influence of group loyalty on democratic transit in non-Western societies. *Polis. Political studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2022;(4):134–147. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2022.04.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.11).
19. Kokurina O. Yu., Burov A. S. The desire to enter the state civil service as a factor in the formation of value orientations of political science students. *Theories and problems of political studies=Teorii i problemy` politicheskix issledovaniy*. 2022;11(1A):44–54. DOI [10.34670/AR.2022.70.65.006](https://doi.org/10.34670/AR.2022.70.65.006).
20. Betelin V. B., Kutukova E. S. Development institutions are financial companies, not catalysts of technological development of the country. *State audit. Law. Economy=Gosudarstvennyj audit. Pravo. Ekonomika*. 2017;(2):5–7. (In Russ.).
21. Kurbatova M. V., Sablin K. S. Developmental institutions and quasi developmental institutions in the Russian economy. *Terra Economicus*. 2012;10(3):22–38. (In Russ.).
22. Kuzenkova V. M. Effective development institutions. *Public administration issues=Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2021;(5):161–175. DOI [10.17323/1999-5431-2021-0-5-161-175](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-5-161-175).
23. Stompf G. Project thinking. This is not about reflection, but about action. *Management problems in social systems=Problemy` upravleniya v social'ny`x sistemax*. 2012;4(6):68–72 (In Russ.).
24. Jussila J., Seppänen L. Design thinking meets agile development in design factory project. *HAMK Unlimited Journal*, 26.05.2023. Available at: <https://unlimited.hamk.fi/yrittajyys-ja-liiketoiminta/design-thinking-meets-agile-development-in-design-factory-project/> (accepted: 12.06.2023).
25. Lavrov I. A., Kryshchanovskaya O. V. Social mobility and the leaders of Russia competition. *Ars Administrandi*. 2023;15(2):292–310. DOI [10.17072/2218-9173-2023-2-292-310](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-292-310).
26. Kokoshin A. A. Technocracy, technocrats and neotechnocrats. [Texnokratiya, texnokraty` i neotexnokraty`. Izd. 2, ispr. i dop]. Moscow: URSS; 2009. 208 p. (In Russ). ISBN 978-5-382-00994-0.
27. Stanovaya T. Five Putin's elites against the background of transit. *World-crisis*. Available at: <http://worldcrisis.ru/crisis/3553347> (accessed: 21.07.2023). (In Russ.).
28. Toshchenko ZH. T. Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and applied analysis). Moscow: Ves' Mir; 2020. 350 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0801-4.

Information about the Authors

N. N. Meshcheryakova

Doctor of Sociology,
Head of the Department, Leading Researcher
ResearcherID: **O-1827-2015**
Scopus AuthorID: **57204495035**

O. V. Kryshtanovskaya

Doctor of Sociology,
Director of Scientific Center
ResearcherID: **GLQ-7604-2022**
Scopus AuthorID: **57215284957**

Contribution of the authors:

N. N. Meshcheryakova – 60% (concept, preparation of the general theoretical basis, participation in writing all sections of the article). O. V. Kryshtanovskaya – 40% (preparation of the methodological section, participation in writing all sections of the article).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.06.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 20.10.2023.